

Главный недостаток традиционализма — отказ от собственного разума

В.М. Межуев, доктор философских наук

Конечно, несерьезно за 10 мин. высказаться по докладу объемом свыше 100 страниц. Но хотелось бы, прежде всего, выразить удовлетворение тем, что доклад сделан членом нашего семинара. Не понимаю, зачем мы должны обсуждать доклады приглашенных со стороны людей? Разве мы для этого собираемся? Здесь присутствуют достаточно ответственные и серьезные люди, которые и сами могут что-то сказать друг другу. И не всегда приглашенные докладчики обладают большей научной квалификацией, чем присутствующие здесь постоянные члены нашего семинара.

Я, конечно, прочитал доклад, хотя достаточно бегло, поскольку у меня было всего два дня. Доклад, на мой взгляд, подготовлен талантливым автором. Он четко ставит проблему, и я его постановку проблемы полностью разделяю. Мне кажется, было бы полезно издать этот текст в виде книги. Иное дело, что не со всеми даваемыми автором ответами я согласен.

Вопрос поставлен просто: возможна ли цивилизация, совмещающая в себе достоинства традиции и развития? Можно ли достигнуть состояния, при котором традиции не уничтожают новое, не служат препятствием для развития, а развитие не порывает с традицией? Вполне правомерная постановка вопроса, обсуждаемая многими социальными мыслителями. Ту же проблему иногда формулируют и иначе, когда говорят о соотношении устойчивости и подвижност-

ти, преемственности и изменчивости. Ее можно сформулировать и как проблему сочетания вечности и времени: ведь традиция — это хранитель и носитель вечности. Или, в гегелевской терминологии, как совпадение субстанции и субъекта. Все это разные формулировки одной и той же проблемы. И разве мы воспринимаем мир как-то иначе? С одной стороны, мы видим, что все в нем изменяется, включая и нас самих, с другой — при всех изменениях он остается самим собой, тем же самым миром. Каждый из нас меняется на протяжении своей жизни, но в любом случае мы остаемся самими собой. В самом развитии есть элемент как устойчивости, так и подвижности, иначе развитие превратилось бы в цепь катаклизмов и революций, что, конечно, также случается в истории. Вопрос, поставленный в докладе, можно, следовательно, сформулировать и так: возможно ли развитие без революционных потрясений, рвущих с традицией, или, как говорят сегодня, возможно ли устойчивое развитие?

Сразу же скажу, что меня не устраивает ни гегелевское, ни геноновское решение этой проблемы. Вообще не понимаю, как можно совместить Гегеля с Геноном в одной теоретической парадигме. Генон, насколько я знаю, четко зафиксировал отличие модерна от домодерна, современного общества от традиционного, рационализма от традиционализма, и сделал свой выбор в пользу последнего. Он — яростный ниспровергатель модерна, а вместе с ним и всей западной цивилизации. В истории Европы, как известно, модерн возник в эпоху языческой античности, а затем — в результате Возрождения, Реформации и Просвещения — был продолжен в Новое время. Суть модерна — в преодолении традиционализма в жизни и мышлении людей, в стремлении руководствоваться в своих действиях и поступках собственным, а не чужим разумом, будь то разум предков или каких-то высших сил. «Имей мужество доверять собственному разуму!» — так когда-то Кант сформулировал главное кредо Просвещения, а вместе с ним и всей эпохи модерна. Духовная несамостоятельность в об-

разе мышления порождает и все остальные виды политической зависимости и угнетения. Прошлое, довлеющее над умами живых, подчиняющее себе настоящее и будущее, препятствует всякому развитию и модернизации. Главный недостаток традиционализма — отказ от собственного разума. Подобный отказ долгое время служил единственной гарантией общественной стабильности и устойчивости. Такое общество могло держаться тысячелетиями. Это верно. Но это и признак того, что люди здесь еще не живут подлинно общественной жизнью, уподобляясь, скорее, животным, ведущим стадный образ жизни. Традиция лишь заменяет им инстинкт. Модерн начинается с сомнения в истинности любого мнения и суждения, основанного на некритически воспринятом авторитете, предрассудке или традиционно установленной нормы. Что же предлагалось взамен? Я не согласен с трактовкой модерна как состояния индивидуализма, плюрализма и голого релятивизма, лишённого всякой универсальности и абсолютности. Модерн предложил свою трактовку универсальности. Мыслители эпохи модерна хорошо понимали, что люди разные: они живут в разных мирах, среди разных народов, у каждого свой жизненный опыт, не похожий на опыт других. Но есть нечто общее, объединяющее всех людей, независимо от их происхождения и разности культур, — это разум. Разум един для всех разумно мыслящих людей и в этом смысле универсален по своей природе. В той мере, в какой индивид достигает степени разумно мыслящего и действующего существа, он обнаруживает свое сходство, единство, братство со всеми другими людьми (если люди и братья, то братья, прежде всего, по разуму). В этом состояла позиция классической философии, которая и выразила тайну модерна. Своей основной задачей она считала выработку разумного законодательства для всех областей человеческой деятельности. Разумно установленные законы математики столь же едины для всего человечества, как законы морали или права.

Ситуация начинает меняться со второй половины XIX в., когда возникает сомнение в единстве и универсальности человеческого разума. Надежда классических рационалистов на объединяющую мощь человеческого разума оказалась поколебленной в результате открытия множества культур, каждая из которых живет по собственной логике. С этого и начинается постмодерн. Постмодерн — это крушение веры в единство и универсальность человеческого разума. Каков же выход из этой ситуации? Здесь и возникает мое расхождение с докладчиком. Он предлагает вернуться к традиции, сочетая ее на принципах синергичности с модерном. Я, честно говоря, так и не понял, как это можно сделать. Получается какая-то эклектика, не более того. Мне ближе позиция Юргена Хабермаса, предложившего считать современное состояние не постмодерном, а незавершенным модерном. Если Просвещение исходило из идеи монособъектного (трансцендентального или абсолютного) разума, то разум в своем действительном существовании полисубъектен. Разумов много и потому на смену представлению о монологическом разуме, функционирующему лишь в системе субъект-объектных отношений, должно придти представление о коммуникативном разуме, действующем в режиме постоянной дискуссии, диалога и общения. Разумность индивида проявляется не столько в его способности к познанию и обобщению, сколько в способности к общению друг с другом, во взаимном согласовании разных позиций и мнений. Логика позднего модерна должна базироваться на технике коммуникативного действия, способной приводить к согласию разные миры и культуры. Люди при всем несходстве своих традиций обязаны договариваться друг с другом, примирять и сглаживать существующие между ними противоречия. Иного пути нет.

Но как все-таки примирить развитие с традицией в процессе модернизации? Как понимать саму модернизацию? Можно ли примирить в процессе модернизации правовое государство с самодержавием, рыночную систему с тради-

ционной системой хозяйствования, научное знание с верой? Наука и религия, хотя как-то и сосуществуют друг с другом, действуют все же на разных площадках. Если модернизация требует рационализации всей общественной и духовной жизни, можно ли заранее обозначить пределы и границы этой рационализации? И есть ли такая традиция, на которую не может покушаться никакая рационализация? Можно ли думать, что рационализация, затрагивающая все социальные институты, оставляет самого человека в плену традиционных представлений и верований, носящих в большей степени иррациональный характер? Вот ведь какая проблема встает в процессе модернизации, заставляя многих отказываться от самой идеи модернизации. В процессе модернизации меняется сам человек — не как биологическое или психическое существо, но как существо общественное и культурное. Изменяя обстоятельства своей жизни, он изменяет и самого себя. Но тем самым меняется и его отношение к традиции. Традиция для него теперь — не то, что приходит к нему из прошлого, что принудительно навязано ему прошлым, а что он сам свободно выбирает из этого прошлого.

Есть замечательная книга польского автора Ежи Шацкого «Утопия и традиция». Он приходит к выводу, что для современного человека традиция возникает не в прошлом, а в настоящем — в зависимости от того, кем он осознает себя в этом настоящем. Возьмите, например, русскую историю. Для одного традиция — это история революционно-освободительного движения в России, для другого — история державного охранительства и самовластия. Один ценит в русской истории либеральную традицию, другой — консервативную. Какую из них считать подлинной традицией? Видимо ту, какую я сам выбрал для себя, сообразуясь с собственным представлением о человеческом предназначении и достоинстве. Теперь понятен мой ответ на поставленный Вами вопрос — решение проблемы сочетания традиции и развития лежит в сфере человеческой свободы, которую Вы склонны все-таки

В.М. Межуев. Главный недостаток традиционализма — отказ от собственного разума

отрицать или недооценивать. В сфере необходимости, принуждения, насилия эта проблема неразрешима. Только человек, ставший хозяином своей судьбы, может примирить между собой эти, казалось бы, взаимоисключающие величины — традицию и развитие, устойчивость и изменчивость, время и вечность.

